

УДК 342

ЖЕСТКАЯ ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ОБЩИЙ ПРИЗНАК ИМПЕРСКОГО АБСОЛЮТИЗМА И ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Упоров Иван Владимирович,
д.и.н., к.ю.н., профессор,
Краснодарский университет МВД России
uporov@list.ru

Аннотация

После победы октябрьской революции 1917 г. пришедшие к власти большевики стали коренным образом переустраивать государственность на основе своих фундаментальных политико-идеологических принципов, среди которых: народовластие, огосударствление экономики, ликвидация частной собственности на средства производства, отвержение религии как значимого социального института и др.; была полностью заменена законодательная база. При этом в программных документах правящей ВКП(б), советских конституциях, множестве других документов подчеркивалось, что новое социалистическое государство полностью отвергает государственность Российской империи, расценивая ее как враждебную российскому народу, подчеркивая эксплуататорскую сущность царского абсолютизма. По сути диктатура пролетариата как ведущей социально-политической силы социалистических преобразований позиционировалась как полная противоположность монархическому самодержавию (имперскому абсолютизму). Однако по способам, механизмам государственного управления эти противоположности являлись едва ли не идентичными. В статье подробно исследуется этот политико-государственный феномен, многие аспекты которого исследованы явно недостаточно. Отмечается, что сходство имперского абсолютизма и диктатуры пролетариата вытекало прежде всего из сложившейся обширнейшей территория государства с множеством проживающих в нем народов (этносов), что являлось неперемными составляющими единого российского государства и предопределяло централизм государственного управления вне зависимости от идеологических принципов правящей элиты.

Ключевые слова: самодержавие, Российская империя, советское государство, абсолютизм, диктатура пролетариата, власть, народ.

RIGID CENTRALIZATION OF STATE ADMINISTRATION AS A COMMON SIGN OF IMPERIAL ABSOLUTISM AND THE DICTATORSHIP OF THE PROLETARIAT

Uporov I.V.,
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
uporov@list.ru

ABSTRACT

After the victory of the October Revolution of 1917, the Bolsheviks who came to power began to radically restructure the state on the basis of their fundamental political and ideological principles, including: democracy, nationalization of the economy, the elimination of private ownership of the means of production, the rejection of religion as a significant social institution, etc.; the legislative base was completely replaced. At the same time, the program documents of the ruling All-Union Communist Party (Bolsheviks), Soviet constitutions, and many other documents emphasized that the new socialist state completely rejected the statehood of the Russian Empire, considering it hostile to the Russian people, emphasizing the exploitative nature of tsarist absolutism. In essence, the dictatorship of the proletariat as the leading socio-political force of socialist transformations was positioned as the complete opposite of monarchical autocracy (imperial absolutism). However, in terms of the methods and mechanisms of state administration, these opposites were almost identical. The article examines in detail this political and state phenomenon, many aspects of which have clearly not been sufficiently studied. It is noted that the similarity between imperial absolutism and the dictatorship of the proletariat arose primarily from the vast territory of the state with many peoples (ethnic groups) living in it, which were essential components of a single Russian state and predetermined the centralism of state administration regardless of the ideological principles of the ruling elite.

Keywords: autocracy, Russian Empire, Soviet state, absolutism, dictatorship of the proletariat, power, people.

История российской государственности освещается в научных трудах, официальных документах, учебных пособиях и в целом в общественном сознании чрезвычайно противоречиво, что наглядно видно по необычайно разным оценкам одних и тех же исторических этапов. Характерными в этом смысле являются периоды абсолютизма Российской империи (XVIII-XIX вв.) и советского государства (1917-1991 гг.). Так, в советской России императорская Россия была подвергнута жесточайшей отвергающей критике, 1917-й год на несколько десятилетий стал жирной чертой, разделившей жизнь одной страны и одного народа «до» и «после» октябрьской революции - на две самостоятельные цивилизации, имевших, согласно советским концепциям, мало общего между собой. После распада СССР в 1991 г. эта разделительная черта, с одной стороны, почти стерта, и Россия вновь обрела единый исторический путь; а с другой стороны, объявленная свобода слова и мысли дала такой выход плюрализму мнений, что в создавшейся и меняющейся мега-каше исторических оценок до сих не удается выявить сколько-нибудь доминирующих позиций, позволяющих российскому обществу определить вектор движения в макро-будущее, не говоря уже о более дальних перспективах. Такое состояние некоего политико-идеологического хаоса, закрепленного к тому же конституционно в виде запрета обязательной государственной идеологии (ст. 13 Конституции России), предопределяет необходимость дополнительного осмысления основных тенденций развития российского государства - с тем, чтобы более зримо выделить некоторые особенности, присущие российскому обществу в его историческом развитии и позволяющие направить вектор перспективности в сторону необходимой определенности и стабильности.

В этом контексте сопоставление Российской империи и советского государства (далее также - СССР) обнажает малоисследованную проблему причин и процессов смены политико-идеологических доктрин, включаемых в основу внутренней государственной

политики. Здесь под Российской империей мы имеем в виду прежде всего исторический отрезок 1832-1917 гг., то есть с того момента, когда в Основных государственных законах (далее - ОГЗ), появившихся в результате известной систематизации российского законодательства, была целенаправленно и юридически четко закреплена форма правления государства. Что касается советского государства, то мы ограничимся в основном периодом до окончательного сформирования государства диктатуры пролетариата (1917 – конец 1920-х гг.), поскольку именно тогда в наиболее концентрированном виде были представлены формы реализации социалистической (коммунистической) идеи. Так, в ОГЗ издания 1857 г. в первом разделе («О священных правах и преимуществах Верховной Самодержавной Власти») в числе прочего указывалось: в ст. 1 - «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный (а). Повиноваться верховной Его власти, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает (б)» [1]; в ст. 42 - «Император, яко Христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоты и всякого в Церкви святой благочиния» [1]; в ст. 47 - «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от Самодержавной власти исходящих» [1]; в ст. 51 - «Никакое место или правительство в государстве не может само собою установить нового закона, и никакой закон не может иметь своего совершения без утверждения Самодержавной власти» [1].

Как видно, в этих и иных нормах был зафиксирован абсолютный «абсолютизм» - как следствие предшествовавшего исторического. Это практически те же тексты, что и в ОГЗ РИ начальной редакции 1832 г. В этой связи напомним, что на законодательном уровне нормы об абсолютизации власти стали появляться, начиная еще с Соборного уложения 1649 г. («Государь Царь и Великий князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец...»), затем Петр I внес фундаментально-неизменную для империи законодательную мысль (ст. 1 ОГЗ РИ), в которой, по сути, определил политико-идеологическое кредо и для себя, и для всех следующих российских правителей.

Заметим, что выбор ОГЗ РИ именно издания 1857 г. не случаен - эта дата позволяет более наглядно показать характер властных отношений в Российской империи XIX в. К этому времени, то есть в течение двухсот лет после Соборного уложения, образ правления государством принципиально не менялся и не изменился. Между тем за те же двести лет произошло много событий - как в мире, так и в самой России. Буржуазные революции, отражая модернизацию экономических отношений, провозгласили демократию, появились США, Россия стала империей и на правах победителя участвовала в разделе мира после падения Наполеона и др. Был написан и опубликован Манифест коммунистической партии Маркса и Энгельса, получивший резонанс в Европе. В «европейски просвещенной» екатерининской России гонениям подверглись Новиков и Радищев за инакострие, не совпадавшее с императорской линией. Потом было подавлено восстание декабристов, представивших свои политические программы, основанные на принципе народовластия. Из Лондона начал издаваться «Колокол» Герцена и Огарева с либерально-революционными идеями преобразованиями России. Подпольный кружок Петрашевского обсуждал идеи утопического социализма. Власть жестко воспрещала проникновение в российское общество такого рода радикальных настроений и репрессировала их носителей. Но и в легальном поле в первой половине XIX в. шли дискуссии «западников» и «славянофилов», в которых звучали мысли о необходимости преобразований.

В художественных произведениях также обозначались общественно-проблемные политические мысли («К чему стадам дары свободы...» - Пушкин, «Страна рабов, страна господ...» - Лермонтов и др.). Казалось бы, очевидно назревали и назрели серьезные перемены в государственном устройстве и в целом в общественных отношениях. Однако все указанные и иные политико-идеологические ветры проносились мимо российского

государства, если иметь в виду реакцию на них правящей элиты, которая заняла позицию неприятия всего, что противоречило бы самодержавности. Эта позиция исходила, прежде всего, от императора Николая I который, очевидно, не без влияния ближайших советников, так и не смог уловить объективности хода исторического развития, предполагающего неизбежность изменений, что наглядно продемонстрировали события в европейских странах. Напротив, эти события, равно как и движение декабристов, появившееся как следствие некоторой либеральности Александра I, видимо, еще больше укрепили отечественный правящий класс в том, что для России европейский путь неприемлем, ибо он привел бы к утрате власти и разрушению самодержавия, и к потере статусно-сословных, материальных и прочих выгод. По сути, с такой же позиции начал свою политическую карьеру и царь-«освободитель» Александр II, утвердив ОГЗ РИ в 1857 г.

И этом при том, что Россия позиционировалась не иначе как европейское государство (в Европе к тому времени едва ли не во всех странах действовали представительные от народа органы-парламенты, независимые суды, муниципалитеты); при том, что уже в самой России в высших кругах велись серьезные обсуждения об отмене крепостного права, телесных наказаний как проявлений архаизма. И реформы социально-правовой направленности (1860-х гг.) все же состоялись, однако они по своему содержанию явно отставали от общественных запросов и явились результатом не осознания-признания правящей элитой несоответствия России новым временам (как, например, реформы Мэйдзи в Японии 1880-х гг.) [2], а некоей вынужденной уступкой, своеобразной подачкой и российскому обществу и международному сообществу.

В этом же контексте вряд ли эти реформы можно считать «буржуазными», «либеральными», как нередко встречается в литературе, поскольку существа публично-властных отношений они не затронули (хотя, бесспорно, сами по себе эти реформы были шагом вперед). Дело в том, что российский капитализм во многом оставался государственно-феодалным («протокапитализм»), и, по сути, по-прежнему развивался по воле высшего дворянского сословия, отличавшегося крайней реакционностью. А глубинные, определяющие общественное развитие, проблемы труда и капитала не решались – рабочие по-прежнему не имели практически социальных гарантий и им запрещалось создавать профсоюзы, крестьяне, несмотря на личное освобождение, оставались привязанными к архаичным общинам и во многом зависимыми от бывших землевладельцев. В результате в последней трети XIX в. довольно явственно обозначилась диспозиция следующих основных противостоящих друг другу общественных сил. С одной стороны – правящая элита, вцепившаяся мертвой хваткой в самодержавие как естественный и единственный источник своего существования (император, его окружение, Госсовет, Сенат, правительство, губернаторы, градоначальники); аристократия из числа дворянства, помещиков; лояльное власти чиновничество, извлекающее из своего статуса приемлемый для себя уровень жизни; класс капиталистов и инженерно-технических работников. С другой стороны – рабочие и крестьяне, составлявшие количественную основу общества, которых явно не устраивали условия их труда и быта; передовая (по европейским меркам) интеллигенция. Порядка 85-90% населения страны не имели политико-правовых возможностей участвовать в управлении государством (отсутствие представительных органов публичной власти), поскольку парадигма самодержавия этого не предполагала.

Очевидно, именно тогда в России имелась последняя историческая возможность изменить вектор развития государства, который не привел бы к глобальному социальному конфликту указанных общественных сил и трагическим последствиям революционного кризиса первой четверти XX в., и прежде всего событий 1917-1922 гг. Но власть после 1881 г. (убийство императора) сделала подчеркнуто уверенный консервативно-репрессивный

выбор, основываясь на весьма абстрактной доктрине «общего блага». Российское общество не приняло такого варианта закрытого государства жандармского типа. Не удивительно поэтому, что, несмотря на некоторые позитивные сдвиги (развитие местного самоуправления, науки, отдельных отраслей экономики, науки и др.), революционное настроение нарастало, теракты учащались, подпольные радикальные организации расширяли свою деятельность («Земля и воля», «Черный передел», «Народная расправа», «Народная воля» и др.).

И позже, в начале XX в., политическое напряжение в России стало резко возрастать. Так, впервые демократических перемен потребовал земский съезд (6-9 ноября 1904 г.) – «Насущнейшей потребностью переживаемого времени является правильная постановка законодательной деятельности и предоставление участия в ней народному представительству» [3, с. 241]. Никакой реакции власти не последовало. После 9 января 1905 г. император Николай II подписывает октябрьский Манифест 1905 г. – явно вынужденно, под давлением премьера С.Ю. Витте («идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформы, то путем революции ... Выбора нет: или стать во главе охватившего страну движения или отдать ее на растерзание стихийных сил» [4, с. 55-56]). И вскоре Николай II, соглашаясь, опять же вынужденно, с учреждением Государственной Думы, утверждает ОГЗ РИ в новой редакции (от 23 апреля 1906г.), где, однако, вновь читаем то же самое: в ст. 4 – «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает» [5]; в ст. 9 – «Государь император утверждает законы и без Его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения» [5]; в ст. 10 – «Власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского» [5]. По сути, в образе государственного правления спустя еще полвека (с ОГЗ РИ 1857 г.) мало что меняется, если иметь в виду верховную власть; «самодержавие» остается для правящей элиты непререкаемым институтом. Слов «народ», «депутат», «власть народа», «представительство народа», «граждане» и т.п. в ОГЗ РИ 1906 г. нет и близко (используется: «члены Государственной Думы», «подданные»).

В этой связи А.Н. Медушевским небезосновательно указывается на то, что, несмотря на некоторые либеральные изменения, Россия по содержанию полномочий верховной власти оставалась «самодержавной монархией» при «мнимом конституционализме» [6, с. 44]. Как отмечает историк А.Б. Зубов, «абсолютная монархическая власть была для Николая Александровича ценностью и святыней сама по себе» [7, с. 109]. А современник тех событий князь Трубецкой на им же поставленный вопрос «Отчего рухнуло царское самодержавие в России?» отвечал: «Оттого, что оно стало идолом для русского самодержца» [8, с. 220]. Тем не менее при всей критике самодержавия с разных сторон (благодаря провозглашенной свободе слова и союзов-обществ), оно, чисто формально, было самоликвидировано вполне легитимно, по воле самого императора (отречение), который теоретически мог этого и не делать. Это по меньшей мере означало, что самодержавие, несмотря бурно разгоравшиеся политические события, имело определенную поддержку в обществе, вплоть до начала 1917 г. Так, с началом Первой мировой войны и вызванного ею патриотического подъема среди россиян всех социальных слоев, тогда (1914-1916 гг.) в российском обществе заметно приутихли речи об осуждении самодержавия, напротив, в военный период как раз абсолютистский тип государственного правления позволял эффективнее решать многие тактико-стратегические задачи военного характера. Все российские генералы, равно как и все силовые структуры, были верны своей присяге, данной императору, то есть, самодержавию.

Но довольно скоро, в начале марта 1917 г. самодержавие действительно рухнуло, почти все генералы вдруг, по сути, предали своего императора-главнокомандующего, от

него, самодержца, «хозяина земли русской», тут же дистанцировались вчерашние соратники и даже некоторые родственники. А в октябре 1917 г. власть захватывают большевики и провозглашают курс, сверхреволюционно отличавшийся от абсолютизма-самодержавия (по политико-идеологическому содержанию, - и мы особо подчеркиваем это обстоятельство), и кардинально – от демократизма европейского типа Временного правительства. И уже в середине 1918 г. принимается первая советская Конституция РСФСР [9], камня на камне не оставившая на всей существовавшей несколько столетий российской государственности. Последующее развитие советского государства на основе уже коммунистической идеи, сменившей идею самодержавности, при значительной поддержке того же самого русского населения, которое еще недавно молчаливо соглашалось с самодержавием, довольно скоро, можно даже сказать, стремительно (к концу 1920-х гг.) привело к окончательной победе Октябрьской революции 1917 г. и созданию авторитарно-тоталитарного государства во главе со Сталиным.

От сторонников бывшей мировой державы под названием Российская империя физически остались только успевшие покинуть страну эмигранты, не представлявшие для СССР никакой угрозы. И вот на этом историческом фоне возникает ряд вопросов, которые, на наш взгляд, еще не имеют достаточно убедительных ответов.

Начнем с того, что большевики во главе с Лениным, как известно, взяли на вооружение марксистскую теорию коммунизма с ключевым тезисом о неизбежности пролетарско-коммунистической революции («Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности ... Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир» [10, с. 459]). При этом, как мы отмечали, «призрак коммунизма» бродил по Европе с середины XIX в., и уже тогда в своем Манифесте коммунистической партии Маркс и Энгельс писали также и о том, что «буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, – современных рабочих, пролетариев» [10, с. 428].

Европа в лице как буржуазных правительств, так и обществ-государств в целом, относительно спокойно восприняла этот Манифест, опубликованный открыто в рамках свободы слова, отнеся его, вероятно, к оригинально-радикальным, но неопасным политическим лозунгам, тем более, что, собственно, и сами буржуазные революции были совершены в Европе относительно недавно. Во всяком случае, ни в одной европейской стране партия коммунистов не взяла власть и соответственно ни одна европейская страна не последовала Манифесту. Некоторую активность рабочего движения в 1840-х гг. вряд ли можно отнести даже к начальным шагам революционных преобразований социалистического толка, а созданный Интернационал остановился на теоретических обсуждениях - европейским обществам коммунизм оказался не нужен. Но сам «Манифест» был популярен и многократно переиздавался в разных странах.

А что же в Российской империи? И здесь, если иметь в виду весь XIX век, политически все оставалось сравнительно спокойно. Декабристы рассчитывали на ценности буржуазных революций, а на экономической составляющей они акцента не делали, об Утопии и других идеях, близких к коммунистическим (работы Оуэна, Фурье, Сен-Симона и др.), в их программных документах не говорилось; о восстании декабристов среди русского населения было известно мало, тем более, что их представляли как государевых преступников, в итоге поддержки общества они не получили. На русском языке «Манифест» (перевод Бакунина) впервые был напечатан только в 1869 г. в герценовском «Колоколе», в Женеве. Соответственно идеи коммунизма в Россию проникали с большим трудом, цензура не пропускала даже ссылки на Манифест, и легально в России его издание

стало возможным только после 1905 г. Однако, как нам представляется, даже если бы Манифест печатался в России свободно, едва ли это обстоятельство могло повлиять на общественное сознание подданных Российской империи, поскольку крестьянская реформа, хотя и была половинчатой, но все же выпустила часть пара из крестьянского недовольства.

А с учетом относительно слабой организованности рабочего класса, вплоть до 90-х гг. XIX в. в подпольном революционном движении будущее России связывалось прежде всего с крестьянской общиной как основой общественного строя. Здесь же следует отметить тот факт, что в течение всего XIX века в Российской империи не было крупномасштабных протестных движений, на что рассчитывала, в частности, та же «Народная воля». А отдельные волнения и локальные бунты власть без особо труда подавляла. Такой уверенной позиции русского правительства способствовали, во-первых, разрозненность подпольщиков-революционеров; во-вторых, огромные пространства России, не позволявшие, с одной стороны делать протестные выступления резонансными, а с другой стороны дававшие власти возможность при необходимости перебрасывать силовые структуры из других мест.

Еще один существенный фактор - гражданская пассивность самого населения (отсутствие гражданского общества), означавшая, что население в своей массе не склонно было поддерживать революционные идеи. В итоге «призрак коммунизма» очень долго «бродил» мимо России, пока Плеханов, а затем Ленин и другие революционеры не обратили на него пристального внимания (рубеж 1890 г.). И получилось, что коммунистическая идея, которая с 1917 г. стала базисной для самой большой страны в мире, почти весь XIX век оставалась чуждой в России.

И здесь возникает вопрос, в частности, о том, почему ни российская общественная научная мысль, ни российская публицистика, немало к тому времени преуспевшие, никаким образом не уловили в марксовской теории фундамент будущего России? Почему государственные управленцы, в том числе самого высокого уровня, то есть, представители правящей элиты, не делали никаких выводов в сопоставлении марксовской теории и ситуации в России? Что мешало лучшим умам России спрогнозировать хотя бы ближнее макробудущее, которое потрясет весь мир?

Такого рода вопросы остаются открытыми. Но и дальше, с начала XX в., эту идею подхватили в России отнюдь не многие. Лишь РСДРП, являвшаяся по сути коммунистической партией (и принявшая позднее это название), всецело приняла идею пролетарской революции, закрепив в своей программе 1903 г., в частности, что: «социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою. Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров ... РСДРП ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой» [11, 420-421]. Эта программа РСДРП была одобрена партийным съездом в 1903 г. Принимал ли кто-нибудь в России такого рода решения всерьез? Нет. Это касалось и теоретико-политической категории «диктатура пролетариата», которую в тогдашнем политическом бомонде считали, вероятно, не более чем лозунговой пропагандой.

Новоявленные политические партии, обрадованные и активированные Манифестом 1905 г. (кадеты, октябристы, монархисты, прогрессисты, трудовики и др.), настолько увлеклись своими идеологическими предпочтениями, что, похоже, не замечали, а чем же «дышат» их оппоненты, во всяком случае, деятельность РСДРП (б) и Ленина в эмиграции вряд ли кто изучал, и тем более с 1914 г., когда все внимание было сосредоточено на военных

делах, ожиданиях побед, и на этом фоне, в частности, ленинское пожелание своей же стране поражения в войне ради победы пролетариата во всем мире, не стало заметным событием. И лишь очень немногие государственные деятели России высказывали тревогу. Так, член Госсовета, бывший глава МВД П.Н. Дурново в феврале 1914 г. направил записку императору, где предостерегал от вхождения России в надвигающуюся европейскую войну и возможных ввиду этого трагических революционных последствий, ибо «всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое. За нашей оппозицией нет никого, у нее нет поддержки в народе, не видящем никакой разницы между правительственным чиновником и интеллигентом. Русский простолюдин, крестьянин и рабочий одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных, и непонятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужою землею, рабочий - о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта ... социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения ... И стоит только широко кинуть эти лозунги в население ... Война с Германией создаст исключительно благоприятные условия для такой агитации ... Россия будет ввергнута в беспросветную анархию» [12, с. 196, 197, 198].

Дурново предлагал жесткие запретительные меры в отношении политических оппонентов, акцентировал внимание на том, что российские солдаты – это выходцы из рабоче-крестьянской среды, и неизвестно, против кого повернет эта вооруженная масса в случае революционного потрясения. Но высшая власть в лице как императора, так и, после его отречения, Временного правительства, оставалась глуха, возможно, памятуя о поражении первой русской революции 1905-1907 гг., которое, вероятно, показало для власти, что большевистские претензии мало чего стоят, и тем ее успокоившее. Очевидно, не особенно беспокоились радикализмом большевиков и меньшевики с эсерами, сумевшие в середине 1917 г. взять большинство в Советах и отказавшиеся от коалиции с большевиками в будущем правительстве.

Две фактические власти в стране (Временное правительство, Советы – известное «двоевластие»), похоже, исключили марксистов-ленинцев из российской политической системы как серьезных соперников. И опять: где же были аналитические прогнозы ведущих политических структур, ученых того времени? Получается, и они, вслед за императорской правящей элитой, не смогли рассмотреть в большевизме, в диктатуре пролетариата (в союзе с беднейшим крестьянством) будущего России. И так было практически до октября 1917 г. пока большевики явочным порядком не объявили 25 октября 1917 г. революционный переход всей власти в стране к большевистским Советам, и даже когда в России установилась не лозунговая, а самая что ни на есть реальная диктатура пролетариата (как предвестник диктаторского сталинизма), даже когда большевики распустили Учредительное собрание, и даже когда началась Гражданская война, еще далеко не все верили в окончательную победу социалистической пролетарской революции, а уж в том, что Россия в известной степени уверенно начнет и будет в течение нескольких десятилетий впервые в мировой истории развиваться как государство-идея (по марксистско-ленинским лекалам), и вовсе, кажется, мало кто предполагал. Тем не менее это случилось.

В литературе высказываются разные точки зрения по поводу феноменального политического успеха большевиков во главе с Лениным, сумевших сделать реальностью диктатуру пролетариата. Как правило, называются следующие типичные, часто встречающиеся причины: консервативность самодержавия, несостоятельность Временного правительства, сила Ленина как теоретика и как политика-организатора (и его соратников - Троцкого и др.), понятные рабочим и крестьянам лозунги (в целом – умелая агитационно-пропагандистская работа), разрозненность антибольшевистских сил и др. (Н.А. Никонов, Э.Э. Шульц, Б.П. Дементьев, Г.А. Будник и др.).

Здесь не имеется в виду включаться в дискуссию по этому поводу. Отметим лишь, что указанные и иные факторы, безусловно, имели определенное влияние, а взятые в совокупности они создали ситуацию политико-государственного хаоса (конец 1917 – начало 1918 гг.), когда требовалась необыкновенная уверенность в своей правоте, решительность и решимость навести, наконец, порядок в стране, дать большинству населения конкретные и ясные ответы по власти, земле, войне и миру, собственности, национально-государственным отношениям. О «сильной руке» говорил даже «главный демократ» России лидер кадетов П.Н. Милюков («спасти Россию от анархии может только военная диктатура»). Но ни кадеты, ни, тем более, генерал Корнилов, вознамерившийся было стать спасителем России, не отличались указанными качествами и не пользовались поддержкой в обществе, и прежде всего среди рабочих, крестьян и солдат, которых общий революционный подъем возносил на высоту решающих судьбу страны социальных слоев (классов).

Итак, важнейшая характеристика российского государства в 1917 г. - ушедшее самодержавие и пришедшая диктатура пролетариата (с интервалом на переходный период, занятый Временным правительством). Две политические и идеологические противоположности, следовавшие одна за другой и уживавшиеся при одном и том же народе. Российское самодержавие как последний оплот бывшего европейского абсолютизма, непостижимым образом сохранявшееся и цеплявшееся за власть до 1917 г. Диктатура пролетариата как большевистская концепция, никем всерьез не воспринимавшаяся, но в одночасье ставшая властью в стране и определившая идеологический и практический базис дальнейшего развития государства в лице РСФСР-СССР.

Такие парадоксы невозможны без общих черт этих противоположностей.

Таковыми, как представляется, следует считать громадные территориальные пространства и необыкновенное разнообразие проживающих в России народов. Управление государством с такими характеристиками возможно только посредством мощного центра, через централизм, будь то самодержавие или диктатура. Отдельные многочисленные народы России в силу неодинакового экономического и культурного уровня (это уже исторические предпосылки) не могут более или менее полноценно, в рамках общегосударственных критериев, развиваться без помощи центра. Для центра разнообразие народов позволяет удерживать общий порядок, поскольку потенциальный единый всплеск недовольства, угрожающий государственности, балансируется различными менталитетами (гражданской активностью) этих народов.

Важно также отметить в этом смысле, что и до 1917 г., и после 1917 г. российское государство как таковое представляло и по-прежнему представляет абсолютную ценность, имея в виду прежде всего его целостность. Когда под давлением эпохи европейского демократизма и ввиду неспособности высшей власти адекватно воспринимать тектонические цивилизационные сдвиги централизм самодержавия ослаб, империя тут же распалась. Большевикам удалось реанимировать централизм – на основе фундаментальной идеи строительства нового социалистического общества под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (сохранялся до последнего дня существования советского государства); благодаря этому СССР достиг немалых успехов в социально-экономическом развитии. Но коммунистическая идеология не выдержала испытания временем, стала угасать, и когда ослабший в этой связи в конце 1980-х гг. советский централизм пошатнулся, СССР тут же распался. Современная Россия через решения высшей власти демонстрирует приверженность к сохранению государственности, о чем свидетельствует тенденция все к большей централизации государственного управления, в том числе закрепляя эту тенденцию в конституционных поправках-2020 [13], которые сами по себе также являются неоднозначными [14; 15; 16, 17 и др.] и свидетельствуют о том, что по-прежнему нет ясности

в том, какие идеологические ценности при такой подходе к целостности государства являются для российского общества высшими, и вопрос о том, что должно следовать за самодержавием и диктатурой пролетариата остается открытым, равно как и способность нынешних политических структур не повторять ошибок своих коллег вековой давности.

Список литературы:

1. Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. Т.1. СПб.: Типогр. Второго Отделения СЕИВК, 1857. С. 1-56.
2. Мещеряков А.Н. Реформы периода Мэйдзи: человеческое измерение // Ежегодник Япония. 2018. № 47. С. 350-366.
3. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918. 592с.
4. Записка Витте от 9 октября 1905 г. // Красный Архив. М.: Гос. изд., 1925. Т. 11-12 / Ред. В.П. Полонский. С. 51-61.
5. Свод законов Российской империи. Часть 1. Т. 1-4. СПб.: Тов-во А.А. Левенсона, 1910. 1280 с.
6. Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 30-46.
7. Зубов А.Б. Почему не воплотились «бессмысленные мечтания» (Манифест 17 октября 1905 г.) // Россия и современный мир. 2006. № 1 (50). С. 92-113.
8. Трубецкой Е.Н. О Христианском отношении к современным событиям // Новый мир. 1990, № 7. С. 220-223.
9. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 30 т. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. 630 с.
11. Второй съезд РСДРП. Июль-август 1903 г.: протоколы / Подг. к печати: Г.Н. Шаншиев. М.: Госполитиздат, 1959. 850 с.
12. Дурново П.Н. Записка Дурново со вступительной статьей М. Павловича // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 178-199.
13. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" // СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения: 25.08.2024 г.).
14. Комкова Г.Н. Стратегические национальные приоритеты России в поправках к Конституции РФ 2020 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 186-192.
15. Баринов, Э. Э. Всенародное и общероссийское голосование как средство легитимизации Конституции и изменений конституционного текста // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10. № 2. С. 35-40.
16. Шагиева Р.В. Принятие Конституции Российской Федерации: тридцать лет спустя (проблемы легальности и легитимности) // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9(225). С. 6-9.

17. Осавелюк А. М. Поправка к Конституции РФ об идеалах наших предков и вере в Бога как основа устойчивого развития России // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 10. С. 54-60.

References:

1. Fundamental state laws // Code of laws of the Russian Empire. Vol. 1. SPb.: Typogr. of the Second Department of SEIVK, 1857. Pp. 1-56.
2. Meshcheryakov A.N. Reforms of the Meiji period: the human dimension // Yearbook Japan. 2018. No. 47. Pp. 350-366.
3. Shipov D.N. Memories and thoughts about the experiences. Moscow: Publishing House of M. and S. Sabashnikov, 1918. 592 p.
4. Witte's note of October 9, 1905 // Red Archive. Moscow: State Publishing House, 1925. Vol. 11-12 / Ed. V.P. Polonsky. Pp. 51-61.
5. Code of laws of the Russian Empire. Part 1. Vol. 1-4. St. Petersburg: A.A. Levenson Company, 1910. 1280 p.
6. Medushevsky A.N. Constitutional monarchy in Russia // Questions of history. 1994. No. 8. Pp. 30-46.
7. Zubov A.B. Why the "meaningless dreams" (Manifesto of October 17, 1905) did not come true // Russia and the modern world. 2006. No. 1 (50). Pp. 92-113.
8. Trubetskoy E.N. On the Christian attitude to modern events // Novy mir. 1990, No. 7. Pp. 220-223.
9. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets on July 10, 1918) // SU RSFSR. 1918. No. 51. Article 582.
10. Marx K., Engels F. Works. In 30 volumes. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat, 1955. 630 p.
11. Second Congress of the RSDLP. July-August 1903: minutes / Prepar. for publication: G.N. Shanshev. Moscow: Gospolitizdat, 1959. 850 p.
12. Durnovo P.N. Durnovo's note with an introductory article by M. Pavlovich // Krasnaya Nov'. 1922. No. 6 (10). P. 178-199.
13. Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 N 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority" // SPS "ConsultantPlus" (date of access: 25.08.2024).
14. Komkova G.N. Strategic National Priorities of Russia in the Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020 // Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Economy. Management. Law. 2023. Vol. 23, issue 2. P. 186-192.
15. Barinov, E.E. National and All-Russian Vote as a Means of Legitimizing the Constitution and Amendments to the Constitutional Text // Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 35-40.
16. Shagieva R.V. Adoption of the Constitution of the Russian Federation: Thirty Years Later (Problems of Legality and Legitimacy) // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 9 (225). P. 6-9.

17. Osavelyuk A.M. Amendment to the Constitution of the Russian Federation on the Ideals of Our Ancestors and Faith in God as the Basis for Sustainable Development of Russia // Actual Problems of Russian Law. 2023. Vol. 18. No. 10. P. 54-60.